

ухудшение его социально-экономического положения; все больше земель королевского домена или непосредственно зависящих от королевской власти переходит в руки светских и церковных феодалов, все резче намечается тенденция к подчинению городов и их округи феодальной аристократии²⁰. Селения, входящие в городской округ, все реже получают возможность посылать своих доверенных лиц на заседания кортесов. Последнее упоминание о них в актах относится ко времени Вальядолидских кортесов 1440 г.²¹ Со второй половины XV в. право участвовать в кортесах становится привилегией ограниченного числа наиболее крупных городов.

Дорогой ценой участия в борьбе с арабами крестьянство, хотя далеко не все, завоевало себе право представительства в кортесах. Это дало возможность многим исследователям, в том числе В. К. Пискорскому, считать одной из отличительных черт сословного представительства Кастилии его демократический характер. В своей блестящей монографии, посвященной кастильским кортесам, он писал, что в эпоху средних веков кортесы служили «выражением народных нужд»²². Нам кажется, что тезис об истинно демократическом характере кортесов должен быть подвергнут если не пересмотру, то по крайней мере уточнению. Нельзя согласиться с В. К. Пискорским, который вслед за испанскими историками кортесов Мартинес Марина, Кольмейро²³ утверждал, что испанские кортесы отличались от парламентов других государств своим «резко выраженным демократическим характером благодаря тому исключительному положению, которое занимали в них представители среднего сословия, пользовавшиеся преобладанием над представителями двух высших»²⁴.

В современной испанской историографии также наблюдается некоторая тенденция к преувеличению роли кортесов как подлинно демократического учреждения²⁵.

²⁰ Вопрос о неотчуждаемости земель, принадлежащих короне, занимает важное место в петициях. Так как король Кастилии номинально считался верховным собственником всех земель королевства, его покровительство обеспечивало городам и поселениям относительно большую самостоятельность. Депутаты поселений и городов неизменно требуют, чтобы земли короны (*realengo*) не отчуждались путем продажи, завещаний или королевских пожалований никому из представителей светской или духовной аристократии, ни монастырям, ни орденам — Cortes, t. I, p. 119, 141, 147, 191, 245, 274, 360, 488; t. II, p. 126, 153, 204, 208 etc.

С переходом же земель короля к светским или духовным феодалам социально-экономическое положение их жителей изменялось, что сказывалось и на их юридическом статусе. Сеньоры лишали их даже права обжалований в королевском суде решений сеньориальных судов (Cortes, t. I, p. 595). Жители, попавшие во владения сеньорий, уже не имели представительства в кортесах. Эта роль отводилась их сеньорам, что усугубляло бесправность их положения.

²¹ Cortes, t. III, p. 212.

²² В. К. Пискорский. Кастильские кортесы, стр. 111. Книга В. К. Пискорского была переведена на испанский язык и до сих пор считается испанскими историками наиболее фундаментальным исследованием данного учреждения.

²³ F. Martines Marina. Teoría de las Cortes; M. Colmeiro. Op. cit., partes I—II.

²⁴ В. К. Пискорский. Кастильские кортесы, введение, стр. 1.

²⁵ См., например, F. Soldevila. Historia de España, t. I—III. Barcelona, 1952—1954; Cl. Sánchez-Albornoz. España, un enigma histórico, t. I—II. Buenos Aires, 1954—1957.